

столицы. Эти мелкие хозяйчики, разумеется, были бы против включения рабов в состав их цехов. Поэтому в статьях, касающихся этих профессий, нет указаний о допущении в эти цехи рабов. Интересно отметить, что в главах „Книги эпарха“, касающихся этих цехов, нет статей, которые говорят о праве эпарха принимать в число членов цеха лиц, имеющих рекомендации. Эти старинные цехи контролировались эпархом, он устанавливал процент прибыли для членов цеха, но состав этих цехов им не определялся и рабы — подставные лица своих господ — в цехи не допускались.

В статье XXII „Книги эпарха“ — „о лицах, берущих на себя выполнение работы, т. е. о столярах, лепщиках по гипсу, работниках по мрамору, слесарях, малярах и остальных“, совершенно нет указаний о рабах-ремесленниках. Лица этих профессий были выходцами из низов свободного константинопольского населения. Это были необходимые в условиях крупного столичного центра строительные рабочие; однако нет никаких данных о том, что они имели цеховую организацию. Это — мелкие ремесленники с крайне низкой оплатой труда, большей частью выходцы из деревни, которые нанимались в качестве мистиев — наемных рабочих — на один месяц. Иногда они пользовались подачками местной благотворительности, иногда составляли артели, работая на подрядчика. На такие работы направлять рабов не имело смысла, потому что жалкая оплата труда мелкого ремесленника едва могла прокормить самого работника и не могла предоставить никаких выгод для хозяина раба.¹

Допущение рабов в цех в качестве подставных лиц создавало особо выгодные условия для с а н о в н о й к о н с т а н т и н о п о л ь с к о й з н а т и, давало ей возможность эксплуатации мелкого ремесла и торговли предметами роскоши.

Поэтому константинопольская знать была сильно заинтересована в сохранении рабства. Как раз Лев VI, которому приписывается „Книга эпарха“, издал новеллу о том, что господин в течение трех лет может требовать возвращения раба, принятого в клир. Вальсамон, в XI в., комментируя эту новеллу, находил, что это „соблюдается ради справедливости, хотя и не благоприятствует свободе“.² Как видим, в представлении константинопольской знати рабовладение считалось даже в XI в. „справедливым“.

Сохранение рабского труда приводило к застойности техники. „Книга эпарха“ содержит об этом интересные сведения. Так, по данным этого источника, бросается в глаза крайняя отсталость техники в мукомольном деле. В X в., согласно „Книге эпарха“, мука размалывалась жерновом, приводимым в движение животными.³

Между тем в селах еще в VIII в., как показывает „Земледельческий закон“, уже обычной была водяная мельница. Устав „Книги эпарха“ о хлебопеках не дает возможности перехода к более высокой технике. Прибыль нормируется таким образом, что приблизительно 4,5% шло в качестве чистого дохода хлебопеку, а 16,5% — на содержание рабов,

¹ У Льва Диякона (IX, 3) знатные заговорщики поручают изготовление ключа не своим рабам, которых, несомненно, у них было много, но приглашают ремесленника-слесаря.

² К Номоканону Фотия, гл. 36, тит. 1 (стр. 12).

³ Кн. Эп. XVIII, 2; ср. Сократ, Церк. ист., V, 18. В Риме в IV—V вв. существовали водяные мельницы (наряду с хлебопекарнями старого типа). В Константинополе отсутствие реки не позволяло переходить на более рациональное ведение дела.